оригинальная статья

УДК 811.222.1

Многофункциональные слова со значениями инференциальности, адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях

Амир Алиасгар Хоссейни

Тегеранский университет, Тегеран, г. Иран

Табассом Хакрах Кахнамуи

Тегеранский университет, Тегеран, г. Иран; <https://orcid.org/0000-0001-7835-3680>; t.khakrah@gmail.com

Поступила в редакцию 11.03.2021. Принята в печать 11.05.2021.

Аннотация: Значения инференциальности и адмиративности в русском и персидском языках указывают на не прямые источники информации, получаемые говорящим. В данной статье анализируются многофункциональные слова *же, так* в русских и *چه, چطور* в персидских восклицательных предложениях, отражающих значения инференциальности и адмиратива, и языковые средства, используемые для их выражения. Выполняя разные грамматические функции, эти восклицательные слова выражают разные лексико-семантические значения. Цель – рассмотреть значения инференциальности и адмиративности посредством указанных многофункциональных слов в русском и персидском языках. В задачи нашего исследования входит рассмотреть на основе сопоставительного анализа грамматические функции многофункциональных слов *же, так* и *چه, چطور* в восклицательных предложениях и уточнить лингвистические средства, используемые для их перевода на русский и персидский языки. Были получены результаты, демонстрирующие, что восклицательные местоимения и частицы помимо лексических единиц в двух языках оказываются средствами выражения значений эвиденциальности. Полученные результаты могут оказать содействие иностранным студентам в восприятии способов передачи значений инференциальности и адмиративности посредством многофункциональных слов *же, так* и *چه, چطور* в русских и персидских восклицательных предложениях.

Ключевые слова: русский язык, персидский язык, эвиденциальность, косвенная эвиденциальность, восклицательное местоимение

Цитирование: Хоссейни А. А., Хакрах Кахнамуи Т. Многофункциональные слова со значениями инференциальности, адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2. С. 591–598. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-591-598>

Введение

Значения адмиратива и инференциальности оказываются двумя видами значения косвенной эвиденциальности в языкознании. Американский лингвист Ф. Боас был первым лингвистом, который описал категорию эвиденциальности. Им в различных языках мира были определены обязательные или необязательные грамматические формы для выражения значения эвиденциальности [1, с. 333]. В русском языке категорию эвиденциальности впервые ввел Р. О. Якобсон [2]. В настоящее время некоторые ученые в подробности рассматривали категорию эвиденциальности в разных языках [3–6]. Данная категория в различных языках выражается по-разному. В русском языке, как и в персидском, при выражении значения эвиденциальности не используются обязательные грамматические средства. Научная новизна работы состоит в том, что категория эвиденциальности в русском языке в сопоставлении с персидским не являлась объектом анализа, к тому же на примере многофункциональных восклицательных слов *же, так* в русских и *چه, چطور* в персидских восклицательных предложениях, выражающих значения инференциальности и адмиративности. Эти слова с различными морфологическими функциями выражают разные

лексические и семантические значения, поэтому при переводе этих слов с русского языка на персидский или наоборот используются разные языковые средства в восклицательных предложениях. Мы намерены рассмотреть лингвистические характеристики указанных слов, являющихся одними из языковых средств, используемых для передачи значений инференциальности и адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях.

При исследовании значений адмиративности и инференциальности, передаваемых многофункциональными словами, применялись методы семантико-синтаксического и морфологического анализа слов *же, так* в русских и *چه, چطور* в персидских восклицательных предложениях. Русские материалы были отобраны из рассказа А. П. Чехова «Смерть чиновника», персидские – из романа Фариха Вафи «ماه کامل می شود».

В ходе нашего исследования мы рассмотрели русские и персидские восклицательные примеры, выражающие значения инференциальности и адмиративности. Мы проанализировали лексико-грамматические характеристики восклицательных многофункциональных слов *же, так*

и چه, چطور в русских и персидских примерах. Затем уточнили языковые средства, используемые для перевода указанных многофункциональных слов на русский и персидский языки.

Результаты

Категория эвиденциальности в русском и персидском языках указывает на источник информации, получаемый говорящим в речи [5; 7–9]. Говорящий на двух языках как языковая личность с помощью своего визуального, сенсорного, предположительного или слухового знания оформляет источник своего сообщения [10, p. 3]. Например:

- Иван **внимательно просмотрел** на меня [11, с. 27] (говорящий сам видел) – ایوان به دقت من را واری کرد
- От Ивана **пахнет** вином (говорящий сам ощущает запах) [11, с. 28] – ایوان بوی شراب میدهد
- **Наверное**, ничего с телефоном не случилось (говорящий предполагает) – ممکن است برای تلفن اتفاقی نیفتاده باشد
- **Говорят** здесь холодно (говорящий слышал, что там было холодно) [11, с. 32] – میگویند اینجا سرد است

Очевидно, что субъект речевого акта во всех предложениях лексически указывает на источник информации и посредством глаголов *просмотрел* (وارسی کرد), *пахнет* (بو میدهد), *говорят* (میگویند) и наречия *наверное* (ممکن است) передает свою визуальную, слуховую, предположительную и сенсорную информацию о каком-либо предмете или событии. Поэтому мы утверждаем, что в обоих языках, в отличие от языков африканских, тюрских, кавказских и др., не существует обязательных и фиксируемых грамматических конструкций для отражения значения эвиденциальности, которое чаще всего выражается при помощи глаголов, вводных слов, наречий и др. В персидском языке, как и в русском, невозможно определить устойчивые и специальные показатели категории эвиденциальности. Лексические конструкции, формы наклонений глаголов и т.д. иногда осознаются языковыми средствами, передающими значения эвиденциальности. Например, значения и формы изъявительного или сослагательного наклонения глаголов *وارسی کرد* (просмотрел), *بو میدهد* (пахнет), *میگویند* (говорят) и наречия *نیفتاده باشد* (не случилось) в персидском языке являются лексико-грамматическими показателями значений прямой или косвенной эвиденциальности. Кроме того, в некоторых случаях говорящий с помощью видовых форм глаголов в персидском языке указывает на источник информации [11, с. 86]. Сравните: در این سرزمین همیشه – На этой территории всегда росли красивые деревья.

Категория эвиденциальности, по Н. А. Козинцевой, классифицируется на прямую и косвенную. Прямая эвиденциальность в русском языке основывается на источнике сведений, получаемых прямым наблюдением самого участника речи, или иногда обосновывается на его памяти и прошлом опыте [5, с. 92]. В следующих русских примерах глаголы *видел* (دیدم) и *чувствовал* (حس میکردم) указывают

на то, что говорящий сам по себе наблюдал или чувствовал источник своего сообщения: *Я видел его на улице* – من او را در خیابان دیدم; *Раньше я чувствовала тяжесть своего положения* – در گذشته سنگینی موقعیت خود را حس می کردم.

В персидском языке, как и в русском, прямая эвиденциальность указывает на личное наблюдение или ощущение участника речевого акта в настоящем или прошедшем времени. Между тем глаголы в форме изъявительного наклонения, используемые субъектом речевого акта, отражают его уверенность о достоверности источника информации [12, صفحه 116]. Сравните:

- *Я увидела, как он играл* – من دیدم که او چطور بازی میکرد
- *Я чувствую весеннюю погоду* – من هوای بهاری را حس میکنم

Во всех примерах выше в двух языках можно наблюдать глаголы *видел* (دیدم) или *увидел* (دیدم), *чувствовал* (حس میکردم) и *чувствую* (حس میکنم) в форме настоящего или прошедшего времени, изъявительного наклонения, лексически обозначающие чувство зрения и ощущения говорящего по отношению к тому, что случилось.

Косвенная эвиденциальность на самом деле указывает на не прямые и недостоверные доказательства. Значение косвенной эвиденциальности, по Н. А. Козинцевой, называется областью рамочных значений, указывающих на источник сведений [13]. Разные лингвисты, в том числе Е. А. Попова [14], В. А. Плунгян [4], В. С. Храковский [11] и др., рассмотрели категорию косвенной эвиденциальности. Они утверждают, что говорящий при выражении значений не прямой эвиденциальности опирается на информацию второго лица или собственные ощущения, сны или догадки [15, с. 93]. Согласно Т. А. Майсаку и С. Г. Татевосову, косвенная эвиденциальность содержит логическое умозаключение и пересказывательность [16]. В. А. Плунгян определяет только инферентивное и цитирование в качестве двух видов категорий косвенной эвиденциальности. Однако Н. А. Козинцева называет пересказывательность, перцептуальность, инференциальность и адмиративность четырьмя видами не прямой эвиденциальности [5].

Значение косвенной эвиденциальности в персидском языке, как и в русском, сообщает о недостоверном источнике информации. Некоторые исследователи, как G. Lazard [6], B. Comerie [17], L. Johanson и B. Utas [18], C. Jahani [19], связывали косвенную эвиденциальность с формой прошедшего времени совершенного вида глагола и указывали на то, что эти формы глагола в персидском языке, в зависимости от контекста, указывают на размышление и вывод субъекта речевого акта. Сравните: *آسا در اینجا بارانهای سیل آسا* – Здесь шли проливные дожди. Другие лингвисты уточняют, что односоставное обобщенно-личное предложение в персидском языке служит средством выражения чужих слов [12, صفحه 110; 20]. Например, спрягаемая форма глагола *میگویند* (говорят) в предложении *میگویند او همه چیز میداند* (Говорят, что он всё знает) используется для передачи слуха и значения косвенной эвиденциальности.

I. Слова *же* و چطور как языковые средства для передачи значения адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях

Термин *адмиратив* впервые ввел О. Дозон в своих трудах по албанскому языку. Как самостоятельная категория адмиратив выступает в турецком, корейском и других языках [21, с. 138]. Адмиратив как один из видов косвенной эвиденциальности в русском языке выражает источники информации, неожиданно получаемые субъектом речи. Наблюдение новых событий или неожиданное открытие действительно вызывает удивление у субъекта речевого акта [22, с. 424]. Таким образом, в этой ситуации говорящий использует языковые средства, передающие значение адмиратива как косвенной эвиденциальности. Например, в предложении *Я его обрызгал!* (من آب دهان به او پاشیدم!) субъект речевого акта с помощью восклицательного предложения отражает свое удивление от наблюдения необычного, странного и неожиданного события. Подчеркнем, что восклицательное предложение в русском языке является одним из синтаксических средств, необходимых для передачи значения адмиративности и эмоционального отношения участника речевого акта [23, с. 142].

Говорящий с помощью восклицательной интонации и восклицательных частиц, местоимений *какой, что за, вижу вот так, же*, ну и междометий *о, ой, ох, эх, ах, эй, увы* и др. отражает свое эмоциональное чувство и отношение к содержанию высказывания [24, с. 59; 25, с. 87; 26, с. 394]. Сравните: *Ах, полноте... я уж забыл, а вы всё о том же!* – آه کافی است... من دیگر فراموش کرده ام! شما همچنان به این موضوع فکر میکنید! В примере частица *же* (همچنان) в сопровождении с восклицательной интонацией в двух языках выступает в качестве языкового средства, используемого для передачи значения адмиративности, и отражает реакцию и удивление участника речевого акта по отношению к тому, что было сказано. Слово *же* обладает морфологическими свойствами частицы и союза. В качестве союза на персидский язык оно переводится как *و* и соединяет противопоставляемые предложения, что не является предметом нашей статьи. Однако в вышеуказанном примере данное слово используется для указания тождества, поэтому оно на персидский язык переводится как частица *همچنان* и контекстуально передает значение адмиративности в персидском восклицательном предложении.

Адмиративность в персидском языке, как и в русском, называет чувства удивления говорящего от получения неожиданной и необычной информации. Эти модусные значения в персидском языке, как правило, представляются некоторыми лингвистическими средствами. Например, восклицательное предложение является одним из основных средств выражения значения адмиративности в персидском языке. С помощью междометий, эмоционально-восклицательных частиц и восклицательной интонации и т.д. оно выражает удивление и эмоциональное чувство участника речевого акта именно в момент речи [27, с. 401; 28, р. 4].

Например, в предложении *چه دیر کردی!* (Как ты опаздал!) можно наблюдать удивление говорящего от позднего возвращения своего собеседника [29, р. 118]. Слова *چه* в выше-названном персидском примере и *как* в русском восклицательном предложении употребляются только в качестве частицы с эмоциональным значением удивления.

Для выражения значения адмиративности в персидских восклицательных предложениях можно использовать иные языковые средства. Например, слово *چطور* включает в себя несколько морфологических и семантических значений, поэтому для его перевода на русский язык используются разные семантические значения. Это слово в персидском языке в зависимости от своей позиции в предложении рассматривается как местоименное прилагательное или иногда как наречие. Сравните:

- *چه طور (صفت) آدمی هستی!* – *Что ты за человек!*
- *تو چه میبینی! من تنها تابلویی که روی دیوار اتاق هست و تعجب میکنی که چه طور (قید) مدتهای طولانی به این نقاشی بد نگاه می کردی!*

В этих примерах контекстуально и интонационно можно обнаружить значение адмиративности, передаваемой словом *چطور* (что за, как). Описывая имя существительное *آدم* (человек) в первом примере, слово *چطور* выступает как местоименное прилагательное, которое на русский язык переводится как восклицательное местоимение *что за*. Более того, во втором предложении это слово находится перед наречием *مدتهای طولانی* (долгое время) и описывает его. Таким образом, слово *چطور* как восклицательное наречие на русский язык переводится также с помощью восклицательного наречия *как*, указывающего на чувство удивления говорящего и значение адмиративности.

II. Слова *так* و چه как языковые средства для передачи значений адмиративности и инференциальности в русских и персидских восклицательных предложениях

В русском языке при выражении значения инференциальности говорящий на основе своего собственного восприятия или сообщения другого лица устанавливает причинно-следственные связи между наблюдаемыми явлениями в конкретной предметной ситуации и отражает свои умозаключения, догадки и логические выводы, источники которых не являются достоверными [11; 30, с. 42].

Для выражения значения инференциальности в русском языке используются модальные наречия *верно, вероятно, наверное, возможно, видимо, по-видимому, очевидно* и др., а также модальный предикатив *должен быть*, определяющий степень достоверности [11]:

При виде меня Оля побледнела и отшатнулась: Видимо я очень изменился – وقتی که اولیا من را دید رنگش پرید و خود را عقب کشید. ظاهراً خیلی تغییر کرده ام

Говорящий набрал номер телефона, но ответа не дождался. – **Очевидно (должно быть)**, его нет дома – گوینده شماره – تلفنی را میگیرد اما هیچ کس پاسخ نداد. – مشخص است که او خانه نیست. (او نبایستی که خانه باشد).

Лексические конструкции *видим (ظاهرا)*, *очевидно (بایستی)* в русском и персидском языках являются лексическими показателями значения инференциальности.

Значение инференциальности в персидском языке выражается говорящим иногда с использованием глаголов в форме совершенного вида, сослагательного наклонения и прошедшего времени [6; 12; 17–19; 31] Сравните:

Он раньше приехал сюда – او در گذشته به اینجا می آمده است –
наверное, шел дождь – شاید باران میبارید.

В первом предложении говорящий с помощью формы совершенного вида глагола *می آمده است* (приехал) на основе существующих сведений догадывается о том, что раньше кто-то приехал туда. Это значение в русском языке выражается посредством формы несовершенного вида глагола *приехать*. Во втором примере наречие *شاید* (наверное) и сослагательное наклонение передают сомнение участника речевого акта о том, что *шел дождь*. Однако в русском языке говорящий лишь лексически и посредством наречия указывает на источник своих сведений, полученных в результате логического вывода.

В русском языке помимо лексических средств выражения значения инференциальности проявляются разные синтаксические конструкции, передающие выводы участника речевого акта. В некоторых случаях, в зависимости от контекста, инференциальная семантика может выражаться русскими и персидскими восклицательными предложениями, восклицательными местоимениями, частицами и др. Сравните: *Надо бы ему объяснить, что я вовсе не желал... что это закон природы, а то подумает, что я плюнуть хотел. Теперь не подумает, так после подумает!...* – بایستی برایش توضیح دهم که به هیچ وجه نمیخواستم – و عطسه امر طبیعی است وگرنه گمان میکند که میخواستم خیسش کنم. اگر اکنون اینگونه تصور نکند بنابراین فردا به این فکر خواهد افتاد!

Союз *так* (بنابراین) помимо интонации в восклицательном предложении выражает значение инференциальности, указывающей на догадки и вывод субъекта речевого акта. Подчеркнем, что слово *так* включает в себя ряд морфологических функций союза, частицы и наречия. Данное слово как союз в русском языке означает *таким образом* и на персидский язык переводится тоже как союз со значением и отражает значение инференциальности, указывает на размышление говорящего и его логический вывод. Однако функционируя как наречие, слово *так* передает иное семантическое значение в русских и персидских восклицательных предложениях. Сравните: *Всё случилось так неожиданно!* – همه چیز به طوری ناگهانی رخ داد. Как показывает пример, наречие *так* обозначает *каким-либо образом*, контекстуально выражает значение адмиративности и указывает на удивление

субъекта речевого акта от возникновения внезапного события. Для перевода этого слова на персидский язык также используется наречие со значением *به طوری*, контекстуально передающим семантическое значение адмиративности.

Выступая как частица, слово *так* в связи с контекстом иногда может выражать значения инференциальности и адмиративности. Субъект речевого акта с помощью частицы *так* утверждает свой логический вывод и иногда отражает свое чувство удивления в восклицательных предложениях. Сравните:

Так я тебе и поверил! (Значение инференциальности) – پس من تو را باور کردم!
Вот так! (значение адмиратива) – عجب!

Видно, что в первом примере частица *так* в русском языке обозначает *в самом деле* и на персидский язык переводится с помощью частицы *پس*. Частица, соответственно с контекстом, в русских и персидских восклицательных предложениях указывает на удивление и вывод, получаемый субъектом речевого акта, и отражает значение инференциальности и адмиративности.

Во втором примере частица контекстуально отражает и подчеркивает удивление говорящего и выступает синонимом междометия *неужели!* Эта частица на персидский язык переводится как *عجب*, выражающая удивление субъекта речевого акта и значение адмиративности.

В персидском языке, как и в русском, восклицательные предложения, используемые говорящим для передачи значения инференциальности или адмиративности, иногда включают в себя языковые единицы с различными семантическими значениями и рядом разных морфологических функций. Примером этого служит слово *چه*, которое в зависимости от своих морфологических функций переводится на русский язык по-разному. Сравните:

Какие глупые поступки! – چه (صفت) رفتارهای ابلهانه ای!
Как глупо он поступил! [28, p. 4] – چه (قید) ابلهانه رفتار کرد!
Что это за поведение! – این چه (ضمیر) رفتاری است!

Как показывают примеры, слово *چه* в сопровождении с интонацией передает эмоциональное отношение участника речевого акта. Для детального лингвистического анализа многофункциональных слов *как* и *چه* необходимо обращать внимание на источники передаваемой информации. В примерах выше следует определить слово, о котором идет речь. В первом примере, выступая перед именем существительным, слово *چه* функционирует как восклицательное прилагательное, следовательно, для его перевода на русский язык необходимо использовать прилагательное *какие*. Во втором примере оно выступает как восклицательное наречие, т. к. субъект речевого акта сосредоточивает внимание на наречии *ابلهانه* (глупо). Таким образом, восклицательное наречие *چه* также на русский язык переводится в качестве наречия *как*. Описывая наречие *ابلهانه* (глупо), слово *چه* во втором примере функционирует как восклицательное наречие, контекстуально указывающее

на удивление говорящего от наблюдения неожиданных поступков. Более того, говорящий с помощью восклицательного предложения оценивает поступки своего собеседника, поэтому подчеркнем, что в этом примере значение инференциальности проявляется помимо значения адмиративности. Для перевода данного наречия на русский язык используется восклицательное наречие *как*, передающее значение инференциальности и адмиративности. В третьем примере слово چه стоит после указательного местоимения и представляется как восклицательное местоимение, выражающее удивление участника речевого акта и значение адмиративности, и на русский язык переводится как восклицательное местоимение *что за*.

Заключение

В русском и персидском языках не существует специальных языковых средств, необходимых для выражения значений инференциальности и адмиративности. Эти значения в зависимости от контекста выражаются посредством морфологических, лексическо-семантических единиц и синтаксических конструкций. Например, помимо лексических единиц иногда для выражения прямой эвиденциальности в русском и персидском языках можно использовать изъявительное наклонение, а в некоторых случаях для выражения значений косвенной эвиденциальности в персидском языке, в отличие от русского языка, в зависимости от контекста можно использовать глаголы в форме совершенного вида, сослагательного наклонения, прошедшего времени. Но лишь посредством некоторых синтаксических конструкций, в том числе восклицательных предложений, можно отражать значение не прямой эвиденциальности в русском и персидском языках.

Анализ категорий инференциальности и адмиративности в русских и персидских восклицательных предложениях дал нам возможность определить многофункциональные слова *же* (همچنان), *так* (بنابراین, به طوری, پس), в русских и چه (какие, как), چطور (что за, как) в персидских восклицательных предложениях. Выступая как частица в русских

восклицательных предложениях, слово *же* (همچنان) переводится на персидский язык как частица. Она употребляется для указания тождества, контекстуально и интонационно отражает удивление говорящего и значение адмиративности, в то время как в функции союза в русских и персидских сложноподчиненных предложениях означает *однако* (اما), что не было предметом нашего исследования.

Слово *так* (بنابراین) в русском языке иногда рассматривается как союз, выражающий значение инференциальности. Для его перевода на персидский язык используется союз, выступающий синонимом сочетания *таким образом*. Функционируя как местоименное наречие, слово *так* означает *каким-либо образом* и контекстуально отражает значение адмиративности. Поэтому для его перевода на персидский язык используется наречие به طوری. Отметим, что слово *так* (پس) может выполнять функцию частицы, поэтому при его переводе на персидский язык употребляются частицы عجب и پس, выражающие удивление участника речевого акта и значение адмиративности.

В персидских восклицательных предложениях слово چطور (что за, как) с морфологическим признаком восклицательного прилагательного на русский язык переводится в качестве восклицательного местоимения *что за*, контекстуально передающего удивление субъекта речевого акта, т. е. значение адмиративности. Однако при выполнении функции восклицательного наречия для перевода на русский язык используется также восклицательное наречие *как*, выражающее в зависимости от контекста значения адмиративности и инференциальности, т. е. указывающее на логический вывод и размышление участника речевого акта.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Литература

1. Козловский Д. В. Классификация видов эвиденциальности в зависимости от субъекта коммуникации в пространстве современного художественного дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 3-2. С. 333–337.
2. Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя / сост. и предисл. О. Г. Ревзиной. М.: Наука, 1972. С. 95–113.
3. Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. Морфологические значения. М.: Языки рус. культуры; Вена: Кошелев, 1998. 544 с.
4. Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику. М.: УРСС Эдиториал, 2000. 384 с.
5. Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
6. Lazard G. Le médiatif en persan // L'énonciation médiatisée / ed. Zlatka Guentcheva. Louvain Paris: Peeters, 1996. P. 22–30.
7. Ильина Л. А. Эволюция глагольной категории эвиденциальности (системно-диахроническое моделирование на материале селькупского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2002. 30 с.

8. Балабаева Ю. Е. Автореферентные эвиденциальные конструкции немецкого языка с глаголом *Scheinen* (к проблеме межкультурных различий маркеров эвиденциальности) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2009. № 1. С. 23–26.
9. Корди Е. Е. О связи грамматических значений оценки достоверности и источника информации (на материале французского языка) // Теоретические проблемы функциональной грамматики: мат-лы Всерос. науч. конф. (Санкт-Петербург, 26–28 сентября 2001 г.). СПб.: Наука, 2001. С. 203–206.
10. Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004. 480 p.
11. Храковский В. С. Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность // Эвиденциальность в языках Европы и Азии / отв. ред. В. С. Храковский. СПб.: Наука, 2007. С. 600–632.
12. 120–99 صفحه 2. شماره 4. جلد 2020. // زبان فارسی و گویشهای ایرانی. DOI: 10.22124/plid.2019.11631.1318
13. Козинцева Н. А. К вопросу о категории засвидетельствованности в русском языке: косвенный источник информации // Проблемы функциональной грамматики: категории морфологии и синтаксиса в высказывании / отв. ред. А. В. Бондарко. СПб.: Наука, 2000. С. 226–240.
14. Попова Е. А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива. Липецк: Изд-во ЛГПУ, 2001. 268 с.
15. Лунина Т. П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // Изв. Волгогр. Гос. пед. ун-та. 2020. № 5. С. 92–97.
16. Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о самом себе // Вопросы языкознания. 2000. № 5. С. 68–80.
17. Comrie B. Aspect. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. 142 p.
18. Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages / eds. L. Johanson, B. Utas. Berlin-N. Y.: De Gruyter Mouton, 2000. 499 p.
19. Jahani C. Expressions of indirectivity in spoken modern Persian // Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages / eds. L. Johanson, B. Utas. Berlin-N. Y.: De Gruyter Mouton, 2000. P. 185–207.
20. Omidvari A., Golfam A. The study of evidentiality in Persian: A typological approach // Language related research. 2017. Vol. 8. № 1. P. 79–99.
21. Кузьмина Е. К. Средства выражения категории адмиративности в английском и русском языках // Казанская наука. 2018. № 11. С. 138–140.
22. Каксин А. Д. К вопросу о выражении адмиративного значения в русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 5. С. 424–426.
23. Пешкова А. Б. Эмоциональная оценка как основная семантическая характеристика русских и английских восклицательных предложений // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 6-1. С. 142–145.
24. Кустова Г. И., Мишина К. И., Федосеев В. А. Синтаксис современного русского языка. М.: Академия, 2005. 256 с.
25. Пипченко Н. М. Современный русский язык. Синтаксис словосочетания и простого предложения. Мн.: БГУ, 2008. 196 с.
26. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
27. Рубинчик Ю. А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Вост. лит., 2001. 600 с.
28. Tajabadi F., Golfam A., Mahmoodi-Bakhtiari B. Exclamation structures in Persian // Language related research. 2013. Vol. 4. № 3. P. 1–21.
29. Natel-Khanlari P. Dastur-e Zabân-e Farsi. Tehran: Bonyād-e Farhang-e Iran, 1965. 377 p.
30. Шакирова Р. Д., Ахунзянова Р. Р. Инференциальность и средства ее выражения в английском языке // Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика». 2010. № 21. С. 42–45.
31. Хадарцев О. А. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в персидском языке: взаимодействие двух категорий // Язык и речевая деятельность. СПб., 2000. Т. 3. Ч. 1. С. 182–192.

original article

Multifunctional Words of Inference and Admiration in Russian and Persian Exclamatory Sentences

Amir A. Hosseini

University of Tehran, Tehran, Iran

Tabassom Khakrah Kahnamouei

University of Tehran, Tehran, Iran; <https://orcid.org/0000-0001-7835-3680>; t.khakrah@gmail.com

Received 11 Mar 2021. Accepted 11 May 2021.

Abstract: The meanings of inference and admiration in Russian and Persian point out to the indirect references obtained by the speaker. This research featured multifunctional words *zhe* and *tak* in Russian and چه and چطور in Persian exclamatory sentences that convey the meanings of inference and admiration. As these words have different grammatical functions, they also convey different lexical and semantic meanings. The research objective was to define the ways such sentences are translated, as well as to study the grammatical functions of the abovementioned multifunctional words in exclamatory sentences. In both languages, these words also proved to be able to express evidentiality. The obtained results can help foreign students in understanding the methods of conveying the meanings of inference and admiration in Russian and Persian exclamatory sentences.

Keywords: Russian language, Persian language, evidentiality, indirect evidentiality, exclamatory pronoun

Citation: Hosseini A. A., Khakrah Kahnamouei T. Multifunctional Words of Inference and Admiration in Russian and Persian Exclamatory Sentences. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 591–598. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-591-598>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

References

1. Kozlovskii D. V. Classifying the types of evidentiality according to the subject of communication in the space of modern artistic discourse. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2018, (3-2): 333–337. (In Russ.)
2. Jakobson R. O. Shifters, Verbal categories, and the Russian verb. *Principles of typological analysis of different language structures*, comp. Revzina O. G. Moscow: Nauka, 1972, 95–113. (In Russ.)
3. Melchuk I. A. *A course in general morphology. Vol. 2. Morphological values*. Moscow: Iazyki rus. kultury; Vienna: Koshelev, 1998, 544. (In Russ.)
4. Plungian V. A. *General morphology: An introduction to the problem*. Moscow: URSS Editorial, 2000, 384. (In Russ.)
5. Kozintseva N. A. Category of evidentiality (problems of typological analysis). *Voprosy Jazykoznanija*, 1994, (3): 92–104. (In Russ.)
6. Lazard G. Le médiatif en persan. *L'énonciation médiatisée*, ed. Zlatka Guentcheva. Louvain Paris: Peeters, 1996, 22–30.
7. Ilyina L. A. *The evolution of the verbal category of evidentiality (Systemic-Diachronic modeling based on the Selkup language)*. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr. Novosibirsk, 2002, 30. (In Russ.)
8. Balabaeva Y. E. Autoreference evidential constructions of the German language with the verb Sheinen (to the problem of intercultural distinctions of evidentiality markers). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2009, (1): 23–26. (In Russ.)
9. Kordi E. E. The connection of grammatical values of evaluation information sources (Based on the French language). *Theoretical problems of functional grammar: Proc. All-Russian Sci. Conf., St. Petersburg*, 26–28 Sep 2001. St. Petersburg: Nauka, 2001, 203–206. (In Russ.)
10. Aikhenvald A. Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004, 480.
11. Xrakovskij V. S. Evidentiality, epistemic modality, and admiration. *Evidentiality in European and Asian languages*, ed. Xrakovskij V. S. St. Petersburg: Nauka, 2007, 600–632. (In Russ.)
12. Gandomkar R. Semantic analysis of category of evidentiality in the Persian language. *Persian Language and Iranian Dialects*, 2020, 4(2): 99–120. (In Pers.) DOI:10.22124/plid.2019.11631.1318
13. Kozintseva N. A. Category of evidentiality in the Russian language: Indirect source of information. *The problems of functional grammar: the category of morphology and syntax in a statement*, ed. Bondarko A. V. St. Petersburg: Nauka, 2000, 226–240. (In Russ.)

14. Popova E. A. *The communication aspects of the literary narrative*. Lipetsk: Izd-vo LGPU, 2001, 268. (In Russ.)
15. Lunina T. P. Means of reported evidentiality expression in the Russian language. *Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta*, 2020, (5): 92–97. (In Russ.)
16. Maisak T. A., Tatevosov S. G. The space of speaker in grammar categories, or What cannot be said about yourself. *Voprosy Jazykoznanija*, 2000, (5): 68–80. (In Russ.)
17. Comrie B. *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976, 142.
18. *Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*, eds. Johanson L., Utas B. Berlin-N. Y.: De Gruyter Mouton, 2000, 499.
19. Jahani C. Expressions of indirectivity in spoken modern Persian. *Evidentials: Turkic, Iranian and Neighbouring Languages*, eds. Johanson L., Utas B. Berlin-N. Y.: De Gruyter Mouton, 2000, 185–207.
20. Omidvari A., Golfam A. The study of evidentiality in Persian: A typological approach. *Language related research*, 2017, 8(1): 79–99.
21. Kuzmina E. K. The means of expressing the category of admiration in the English and Russian languages. *Kazan Science*, 2018, (11): 138–140. (In Russ.)
22. Kaksin A. D. About the question of expression of admirative meaning in Russian. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya*, 2018, (5): 424–426. (In Russ.)
23. Peshkova A. B. Emotional evaluation as a main semantic characteristic of Russian and English exclamatory sentences. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, (6-1): 142–145. (In Russ.)
24. Kustova G. I., Mishina K. I., Fedoseev V. A. *Syntax of the modern Russian language*. Moscow: Akademiia, 2005, 256. (In Russ.)
25. Pipchenko N. M. *The modern Russian language. The syntax of phrase in simple sentence*. Minsk: BGU, 2008, 196. (In Russ.)
26. Peshkovsky A. M. *Russian syntax in scientific coverage*, 8th ed. Moscow: Iazyki slavianskoi kultury, 2001, 544. (In Russ.)
27. Rubinchik Iu. A. *Modern grammar of the Persian literary language*. Moscow: Vost. lit., 2001, 600. (In Russ.)
28. Tajabadi F., Golfam A., Mahmoodi-Bakhtiari B. Exclamation structures in Persian. *Language related research*, 2013, 4(3): 1–21.
29. Natel-Khanlari P. N. *The grammar of Persian language*. Tehran: Iranian culture foundation, 1965, 377.
30. Shakirova R. D., Akhunzyanova R. R. Inferentiality and the means of its expression in the English language. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Linguistics*, 2010, (21): 42–45. (In Russ.)
31. Khadartsev O. A. Evidentiality and epistemic modality in the Persian language: interaction between the two categories. *Language and speech production*. St. Petersburg, 2000, vol. 3, pt. 1, 182–192. (In Russ.)